

Т. В. КОЧЕТКОВА.

СТЕНДАЛЬ В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНА

Стендаль нашел сочувственный отклик в России еще в пушкинскую эпоху, и интерес к нему был в немалой степени связан с тем глубоким интересом, который проявлялся здесь ко всему, относящемуся к Байрону и Вальтеру Скотту. Можно даже сказать, что именно Байрон своим письмом к Стендалю представил впервые этого писателя русским литературным кругам.

Остановимся на этом несколько подробнее.

Мы уже сообщали о том, что произведения Стендаля начали появляться в русской печати удивительно рано — в 20-х годах XIX века, когда писатель еще не пользовался решительно никакой известностью даже на своей родине, во Франции¹. Первый русский перевод Стендаля был напечатан в 1822 году в журнале «Сын Отечества» (статья «Россини»). В последующее десятилетие в крупнейших журналах («Московский телеграф», «Телескоп» и др.) появился еще ряд переводов из публицистики Стендаля, а в «Литературной газете» — отрывки из его книги «Прогулки по Риму». Первые переводы были изданы анонимно, но уже в 1830 году в русской печати прозвучало и имя писателя — Стендаль, в частности, в «Литературной газете», где в примечаниях Дельвига к публикации отрывков из «Прогулок по Риму» говорится: «...Имя барона

¹ См.: Т. В. Кочеткова. Ранние переводы Стендаля в России. Стендаль в русской печати 1820—1840 годов. — Известия Академии наук Латвийской ССР, 1960, № 4, стр. 65—76; Tatiana Kotchekova. Stendhal en Russie. — Stendhal Club (Lausanne-Grenoble), № 12, 1961, p. 161—170.

Стендаля (Sthend'hal(!) вымышленное: под ним и под разными другими долго скрывался один остроумный французский писатель, Г. Бель (Beyle). Замысловатая его оригинальность, превосходный тон критики, острый и меткий взгляд на предметы и слог чистосердечный и живописный, по словам другого известного французского писателя, могли бы точно прославить трех или четырех литераторов»². Далее сообщается, что Байрон почтил Стендаля письмом, в котором он сказал много лестного этому писателю, и что Байрон «с благородством истинного таланта» отдает в нем также должное «опасному сопернику на поприще поэзии и в мнении публики» — Вальтеру Скотту. Дельви́г приводит тут же соответствующий отрывок из письма Байрона к Стендалю.

Откуда почерпнул он эти материалы?

В октябре—ноябре 1824 года газета французских романтиков «Globe» публиковала серию статей о книге Томаса Медвина «Conversations de Lord Byron» (1824). В одной из этих статей (2 ноября) обращается внимание на то, что в книге Медвина приведено письмо Байрона «à un Français spirituel qui s'est caché sous divers noms et diverses initiales et dont l'originalité piquante, l'excellent ton de critique, les aperçus ingénieux, le style franc et pittoresque auraient pu faire réellement la fortune de trois ou quatre auteurs».

Вот откуда Дельви́г почерпнул приведенную им характеристику Стендаля! (Так как вышеупомянутые статьи были напечатаны во французской газете анонимно, то мы не смогли установить, кто же тот «другой известный французский писатель», о котором говорит Дельви́г. Можно предполагать, что он узнал имя автора этих статей от А. И. Тургенева, который был хорошо осведомлен о событиях литературной жизни во Франции.) В том же номере газеты «Globe» было полностью напечатано и письмо Байрона к Стендалю (из Гснун, 29 мая 1823 года).

Можно с уверенностью сказать, что номер газеты «Globe» от 2 ноября 1824 года был не только в руках Дельви́га, но и в руках Пушкина. Об этом свидетельствуют его письма из Михайловского и Тригорского, адресованные брату. Так, в письме от первой половины ноября 1824 года Пушкин восклицает.

² «Литературная газета», 1830, № 59, 18 октября.

«Conversations de Byron! Walt <er> Scott! это пища души» (XIII, 121). В конце января — первой половине февраля 1825 года он пишет брату: «Ты мне не присылаешь Conversations de Byron, добро» (XIII, 142). И вскоре, 14 марта, опять просит его прислать эту книгу (XIII, 151).

Именно во французской газете говорилось и о книге «Conversations de Lord Byron», которая была в это время новинкой, и о Вальтере Скотте. О том, что Пушкин читал в деревне французские газеты, свидетельствует, например, его письмо к П. А. Вяземскому (Болдино, 5 ноября 1830 года), где говорится: «Кабы знал, что заживусь здесь... читал бы в Нижегородской глуши le Temps и le Globe» (XIV, 122).

Однако письмо Байрона к Стендалю было опубликовано не только в книге Медвина и в газете «Globe», но и в других изданиях этого времени: в книге Луизы Свентон-Беллок «Lord Byron» (1824, именно здесь оно появилось впервые) и в книге Р. Далласа «Correspondance de Lord Byron avec un ami...» (1825). Оба эти издания обратили на себя внимание в России.

В 1825 году «Московский телеграф» сообщал своим читателям о выходе в свет монографии г-жи Беллок, отмечая, что «любопытны между прочим: взгляд вообще на английскую литературу... и письмо самого Байрона о Вальтере Скотте», а также то, что в этой книге имеется «множество новых подробностей» о Байроне³.

Естественно, что она заинтересовала русских писателей, в частности, сочетанием имен: Байрон — Вальтер Скотт. О книге Луизы Беллок упоминает, например, П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу (8 сентября 1825 года)⁴. Не ему ли принадлежит и эта заметка в «Московском телеграфе»?

Вместе с тем опубликованное в книге Луизы Беллок письмо Байрона «о Вальтере Скотте» неизбежно должно было привлечь внимание к личности и творчеству Стендаля, в пер-

³ «Московский телеграф», 1825, № 3, стр. 270.

⁴ Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. Пг., 1921, стр. 20. Отметим попутно, что в комментариях (стр. 424) ошибочно указано, что Вяземский имел в виду книгу Томаса Мура, переведенную на французский язык г-жой Беллок. Эта книга («Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore») была издана лишь в 1830 году.

вую очередь — к его памфлету «Расин и Шекспир» (1823). если он еще не был известен в России.

Напомним, что в этом письме Байрон перечисляет известные ему произведения Стендаля: «Рим, Неаполь и Флоренция», «Жизнеописания Гайдна и Моцарта» и «Расин и Шекспир», упоминая также об «Истории живописи в Италии», которую ему еще не удалось получить. Байрон проявляет большое уважение к французскому писателю, с которым он лично познакомился в Милане в 1816 году, но полемизирует с ним по поводу его весьма не лестного суждения о Вальтере Скотте в памфлете «Расин и Шекспир». (Стендаль высказался здесь весьма презрительно об английском романисте в связи с его реакционной политической позицией, признавая, однако, что Вальтер Скотт, которого он считал истинным вождем романтиков, «угадал духовные стремления своей эпохи»⁵.) Мы не знаем, читал ли Пушкин книгу Луизы Беллок, но можем утверждать, что он был знаком с книгами Томаса Медвина и Р. Далласа, так как обе эти книги имелись в его личной библиотеке.

Общезвестен отзыв Пушкина в письмах к Е. М. Хигрову о романе Стендаля «Красное и черное»: «Возвращаю вам, сударыня, ваши книги и покорнейше прошу прислать мне второй том «Красного и черного». Я от него в восторге» (вторая половина мая 1831 года; XIV, 166). «Красное и черное» хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса» (9 (?) июня того же года; XIV, 172).

Говоря о Пушкине и Стендале, литературоведы обычно приводят этот отзыв, считая, что знакомство русского поэта с творчеством французского писателя ограничивалось этим романом. Так, например, В. М. Жирмунский пишет: «Первый роман Стендаля «Красное и черное» (1831), единственное произведение этого писателя, достоверно известное Пушкину <...>»⁷. Б. В. Томашевский допускает еще, что мимо поэта,

⁵ См.: Стендаль. Собрание сочинений, т. 7. Изд. «Правда», М., 1959, стр. 28.

⁶ Оригинал этих писем на французском языке. См. также комментарий Б. В. Томашевского к этому отзыву в кн.: Б. В. Томашевский Пушкин и Франция. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 373.

⁷ В. М. Жирмунский. Пушкин и западные литературы. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 93.

внимательно следившего за полемикой между романтиками и классицистами, по-видимому, не дошла и книга «Расин и Шекспир»⁸.

Однако сама библиотека Пушкина подтверждает наши предположения о том, что в поле зрения великого поэта неизбежно должны были оказаться и другие материалы, имеющие прямое отношение к Стендалю, в первую очередь — письмо Байрона к Стендалю и воспоминания последнего о Байроне.

В каталоге библиотеки Пушкина, составленном Б. Л. Модзалевским⁹ и дополненном Л. Б. Модзалевским¹⁰, из произведений Стендаля числятся лишь роман «Le Rouge et le Noir» (Р., 1831. № 1408 по описанию Б. Л. Модзалевского) и новелла «Le Philtre», в сборнике «Dodécation ou le Livre des douze» (т. 2. Р., 1837. № 886 по тому же каталогу). Хотя эта книга разрезана полностью и она значится также в той описи библиотеки Пушкина, которая была составлена в 1837 году, после его кончины, мы все же не можем утверждать, что поэт читал новеллу Стендаля.

И все же он был значительно ближе знаком со Стендалем и его творчеством, чем это предполагалось до сих пор. Прежде всего — по книгам о Байроне из своей же библиотеки. Остановимся немного на этих изданиях.

В книге «R. C. Dallas. Correspondance de Lord Byron avec un ami...» (т. 1—2. Р., 1825), которая числится в каталоге Б. Л. Модзалевского под номером 695 и значится также в описи, составленной в 1837 году, полностью опубликованы и письмо Байрона к Стендалю, и воспоминания французского писателя о Байроне (письмо Бейля к Луизе Свентон-Беллок). Кроме того, этим письмам предпосланы весьма обширные комментарии автора и французского переводчика книги, из которых явствует, что Стендаль — псевдоним г. Бейля, автора книги «Рим, Неаполь и Флоренция», и что он написал о Байроне настолько интересные воспоминания, что Р. Даллас решил их включить в свою книгу.

В каталоге библиотеки Пушкина числится и английское

⁸ Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, стр. 96

⁹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910.

¹⁰ Л. Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Новые материалы — в кн.: «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 985—1024.

издание книги Томаса Медвина («Conversations of Lord Byron». L., 1825. № 1149). Во втором томе также полностью напечатано письмо Байрона к Стендалю, причем в оглавлении и в комментариях обращается внимание на то, что это письмо имеет отношение к Вальтеру Скотту.

Воспоминания Стендаля о Байроне привлекали внимание и других авторов, книги которых значатся в каталоге библиотеки Пушкина. Так, в книге «Marquis Salvo. Lord Byron en Italie et en Grèce...», L., 1825 (№ 1351) имеется следующая ссылка на Стендаля: «M. Beyle dit que Lord Byron s'estimait plus comme un descendant de ces Byrons de Normandie qui suivirent Guillaume que comme l'auteur de Parisina, et de Lara» (стр. 156. Между стр. 190—191 осталась бумажная закладка. Запись на титульном листе свидетельствует о том, что книга принадлежала дочери Е. М. Хитрово — Долли Фикельмон). В книге «Hunt, J. H. L. Lord Byron and some of his contemporaries», L., 1828 (№ 1013) неоднократно встречаются упоминания о Стендале (т. 1, стр. 58, 120, 195—196). Здесь сказано, между прочим: «M. Beyle, the author of some works justly esteemed, a very sprightly and sometimes no unprofound writer, has given an excellent sketch of Lord Byron, painted from the life...» (стр. 195—196). Отрывок из воспоминаний Стендаля о Байроне приведен также в книге: «Mémoires de Lord Byron publiés par Thomas Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw.-Belloc», т. 3, P., 1830 (№ 696).

Воспоминания Стендаля о Байроне не случайно заинтересовали многих авторов книг об английском поэте, особенно в 20-е—30-е годы XIX века. Они не случайно привлекли и внимание русских журналов (уже в 1829 году в «Вестнике Европы», № 1, было напечатано «Письмо Бейля к г-же Беллок о лорде Байроне», а статья Стендаля «Лорд Байрон в Италии. Рассказ очевидца», появившаяся в 1830 году в журнале «Revue de Paris», была тут же переведена на русский язык журналом «Сын Отечества», № 19 и 20 за 1830 год. Правда, реакционный журнал сильно сократил ее.

Суждения Стендаля поражали своей пронизательностью и оригинальностью. Умея глубоко проникать в психологию человека, Стендаль раскрывает мучительные противоречия в душе Байрона, который «гораздо более уважал в себе потомка норманских баронов... нежели автора Паризины и Лары» (мы цитируем перевод «Вестника Европы»), и в котором вы-

сокие, благородные чувства в «прозаические минуты жизни» уступали место мелкому тщеславию. Стендаль рассказывает о беседах с Байроном, о том, что когда «великий человек бывал самым собою... начинался живейший разговор — извержение новых мыслей, высоких чувств». Стендаль сообщает также, что Байрон проявлял большой интерес к подробностям о походе Наполеона в Россию, о бегстве французских войск из Москвы. Он говорит и об отношении Байрона к Наполеону, о том, что «деспотическая... сторона сердца Наполеона совсем не была противною английскому пэру» и т. д.

Если проследить за тем, что Пушкин написал о Байроне-человеке («Говорят, что Б.<айрон> своей родословною дорожил более, чем своим творениями», XI, 275), о том интересе который английский поэт проявлял к России («Байрон много читал и расспрашивал о России...», XI, 55), об отношении Байрона к Наполеону (XI, 64) и т. п., то нельзя не признать, что одним из источников, откуда Пушкин почерпнул эти сведения, несомненно, были воспоминания Стендала. Ведь именно Стендаль осуждал «дворянскую спесь» (Пушкин) Байрона, а не английская буржуазная критика. Томас Мур, например, находил предосудительным совсем иное — «необузданные страсти» Байрона, его «дерзкое презрение к общему мнению» (XI, 278), т. е. как раз то, что было глубоко симпатично Стендалю.

Итак, Пушкин читал, по всей видимости, номер газеты «Globe» от 2 ноября 1824 года и, безусловно, был знаком с теми материалами, связанными со Стендалем, которые имелись в его библиотеке в книгах о Байроне. (В противном случае пришлось бы признать, что Пушкин **не читал** эти книги.) Добавим еще, что он мог встретить упоминания о Стендале, но уже в личном плане, и в книге Виктора Жакмона «Correspondance de Victor Jacquemont avec sa famille et plusieurs de ses amis...», Р., 1833, которая числится в каталоге библиотеки Пушкина под № 1024. (Стендаль упоминается здесь в письмах В. Жакмона к Мериме и де Маресту — стр. 18, 199, 309, 312. Книга разрезана полностью.)

Но этим далеко не ограничивается круг материалов, относящихся к Стендалю, которые находились в поле зрения Пушкина. Как мы уже отметили выше, в русской печати этого времени неоднократно появлялись произведения французского писателя, а также отзывы о нем, которые могли быть извест-

ны Пушкину, постоянно следившему за содержанием русских журналов и сотрудничавшему в «Литературной газете» Дельвига. Однако именно эти издания значительно хуже отражены в описаниях библиотеки поэта, весьма неполных, как указывают сами составители.

Основываясь на тех же источниках, мы можем все же сказать, что в руках Пушкина была статья Стендаля «Рим и папа в 1832 году», анонимно опубликованная в журнале «Телескоп», № 7 за 1832 год, который значится в каталоге Б. Л. Модзалевского под № 525. В журнале разрезаны следующие страницы: 281—288 (начало статьи Стендаля), 321—324 (конец этой статьи и стихотворение Зайцевского «Швейцария»). 341—388 (повесть Погодина «Счастье в несчастии») и 417—420 (часть статьи «Портрет герцога Веллингтона»). Немало важен тот факт, что этот номер «Телескопа» открывается именно статьей Стендаля.

Вполне естественно, что Пушкина заинтересовало стихотворение «поэта-моряка», капитан-лейтенанта Е. П. Зайцевского, а также повесть М. П. Погодина, за творчеством которого он пристально следил. Имя герцога Веллингтона тоже неоднократно упоминается им в разных сочинениях. Что же могло привлечь его внимание в статье Стендаля и почему она осталась недочитанной?

Статья «Рим и папа в 1832 году» посвящена злободневной в то время теме и написана в связи с событиями в Италии, где после Июльской революции вспыхнули восстания. Один из повстанческих отрядов овладел Анконой и подступил к самому Риму. Но на помощь папе пришел Меттерних. Австрийские войска разгромили движение карбонариев.

В начале своей статьи, несколько сокращенной в русском издании (несомненно, из-за цензуры), Стендаль отмечает, что события в Италии привлекли внимание к папскому государству, слабость которого стала очевидной. Вместе с тем он polemизирует с мнением о том, что папство может погибнуть «от дипломатических раздоров» или «от ударов черни». (В русском переводе этот щекотливый вопрос несколько затушеван, так как Стендаль связывал судьбу церкви с судьбою монархий, считая, что папство будет уничтожено тем же ударом, который свергнет монархическую власть в Европе.) Затем автор рассматривает «странные противоречия» папского государства, лишенного торговли и промышленности, с населением, поч-

ти исключительно состоящем из монахов и нищих, но имеющего «решительное влияние на сильнейшие государства европейского материка». Он останавливается на системе управления Папской области и ее исторических корнях, отмечая, что «отличительным характером» папского правительства «всегда было собственное обогащение».

Эти страницы статьи Стендаля могли заинтересовать Пушкина остротой поставленных проблем, однако как только автор переходит к финансовым вопросам, поэт утрачивает интерес к статье и страницы остаются неразрезанными. Но самый важный момент статьи вновь попадает в поле зрения Пушкина. Речь идет о заключительном абзаце, посвященном горькой судьбе итальянского народа: «В настоящих замечаниях о характере итальянцев, — пишет Стендаль, — мы могли представить его только таким, в какой изменился он от недостатков правительства. Люди, живущие в тюрьме, и привычки получают тюремные. Так как итальянец непрестанно окружен шпионами, то он делается шпионом или жертвою. Так как правительство не дает ему ничего делать, то сам он ничего не делает и становится вором или ленивцем, нищим или игроком на органе. Природа одарила его щедро; страна его есть обитель гения; у него рассудок самый живой и деятельный, есть вкус к прекрасному, благородному и великому в искусствах, он музыкант по инстинкту, поэт по природе, жертва и несчастливеец по вине тех, которые им правят так худо».

Если Пушкин обратил внимание на эти слова, разрезав эту страницу, то они, несомненно, нашли отклик в его душе, вызывая не одну аналогию с русской действительностью.

Можно еще упомянуть в качестве курьезного момента то, что почти одновременно со Стендалем Пушкин мог прочесть о жестоком «решении гренобльского суда по делу Берте», давшему Стендалю основу сюжетной канвы романа «Красное и черное». О нем сообщалось в журнале «Атеней» (№ 4 за 1828 год, указанный в каталоге библиотеки Пушкина под № 458). Рассказав о сути этого дела, журнал отмечает, что, несмотря на красноречивую защиту адвоката, «оправдывавшего подсудимого пылкостью, силою любви и ослеплением ревности, присяжные, люди, видно, не слишком нежные», осудили юношу на смерть.

Весьма неполно в описаниях библиотеки Пушкина представлены и иностранные журналы, за которыми поэт внима-

тельно следил. (Известно, в частности, что он читал «Revue de Paris», в котором, как мы уже видели выше, тоже появлялись произведения французского писателя.)

Итак, имя Стендаля и некоторые сочинения этого автора, несомненно, уже были известны Пушкину еще до появления романа «Красное и черное». Как и Вяземский, Пушкин мог бы представиться автору этого произведения, как «старому и хорошему знакомому»¹¹, с которым у него к тому же было много общего, в частности, и в понимании романтизма, и в восприятии задач драматургии, и в отношении к стилю прозы, достоинством которой, по словам поэта, должны быть «точность и краткость» и которая требует «мыслей и мыслей». Однако это уже вопрос, который выходит за рамки данной работы и который, надо думать, не раз привлечет еще внимание исследователей.

¹¹ См. письмо П. А. Вяземского к Стендалю (16 декабря 1834 года) в статье: Т. Кочеткова. Стендаль и Вяземский. — «Вопросы литературы», 1959, № 7, стр. 150.

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. СТУЧКИ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 106

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Рига 1968